

Иван ~~У~~ ~~е~~ ~~г~~ ~~а~~ ~~н~~ ~~а~~ ~~М~~ ~~а~~ ~~й~~ ~~а~~ Вологдин

ЭКСБИЦИОНИСТ
обнажённость тела =
обнажённость души

18+

ЭРОТИКА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Иван VeganaMaia Вологдин

Эксбиционист

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45294123

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-09017-0

Аннотация

До 30 лет Сергея Берлова не интересовало ничего, кроме карьеры. Банк, в котором он работал, полностью удовлетворял все его амбиции и потребности. Авария, виновником которой стал Сергей, стала поворотным моментом в судьбе героя. Травмы тела, смерть девушки в соседней машине, глубокие душевные страдания и боль, значительно изменили картину мира банкира, позволив вспомнить те пристрастия и фетиши, которые он давно позабыл, раскрывая новые направления жизненного пути. Для оформления обложки использовано изображение с сайта [veneresole](http://veneresole.com).

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Новая жизнь начинается с краха	14
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Пролог

Посвящается всем фотографам и моделям, работающим в жанре «ню», а также людям, которые хотя бы раз снимались обнажёнными.

До тридцати лет, Сергея Берлова не интересовало ровным счётом ничего, кроме карьеры. Престижный банк, с очень известным названием, где он работал, полностью удовлетворял все его потребности и амбиции. Здесь хватало всего – подковёрных игр, интриг, скандалов, общения и именно поэтому целое десятилетие Сергей потратил на то, чтобы стать кем-то значимым в иерархической цепочке должностей.

Родители Сергея – представители творческих профессий, были удивлены решением сына, в двадцать лет пойти учиться заочно на финансиста, параллельно устроившись в банковую систему простым операционистом. Мама – Анна Викторовна, преподаватель вокала в Детской Школе Искусств, искренне считала, что призвание сына дальше развивать свои неплохие вокальные данные. Отец – Иван Владимирович, звукорежиссёр в местном ДК, считал, что руки Сергея, с самого детства были заточены работать с его пультом.

Пока родители, на разные голоса, безуспешно зывали к разуму своего сына, он успешно окончил учёбу в родном

Иркутске и вскоре, приученный с детства думать творчески и нестандартно, смог дорасти до должности финансового аналитика, очень крупного отделения банка. В начале 2017 года в его жизни наметились большие перемены. После таинственного исчезновения непосредственного руководителя, его назначили на должность временно исполняющего обязанности директора, с перспективой утверждения кандидата на постоянное место работы. Вскоре данная деятельность поглотила его с головой. Работа с деньгами и руководство коллективом требует самоотверженности и ответственности. А деньги Сергей любил. Коллектив – не очень.

Принимая правильное решение сразу после службы в армии о дальнейшей своей карьере, Берлов здраво предположил, что в области культуры много денег нет – их не зарабатывать, учитывая отношение государства к работникам данной сферы профессиональной деятельности. А вот банковская сфера всегда являлась рычагом скрытого манипулирования людьми, следовательно, могла по праву называться самым властным видом работы среди гражданских профессий.

Вопреки мнению родителей, в банковской системе, Сергей Иванович Берлов, добился значительных успехов. Зарабатывал он неплохо, по меркам 2017 года – заплатой в сто десять тысяч рублей мог похвастать далеко не каждый мужчина тридцати лет от роду. Однако, амбиции Берлова, полностью соответствовали главному посылу следующей поговорки: «Плох тот солдат, который не хочет стать генералом».

Солдатом Сергей уже не был, но чётко знал, что следующим шагом вверх по карьерной лестнице будет переход из отделения банка в руководство всей структурой области, а это означало чуть ли не потолок в его реальных возможностях и перспективах.

Тот, кто работает в руководящей должности, раньше простых работников банка и тем более, раньше вкладчиков, узнаёт самые актуальные новости, связанные с системой. Поэтому, после завершения одного важного совещания, разговор, услышанный вскользь, заставил Берлова насторожиться. В неприметном закутке главного офиса, на лестничной клетке, которую руководители оборудовали для своих сотрудников под место для курения, большой человек из Москвы, обсуждал со своим коллегой из Иркутска перспективы развития банка. И сам того не ожидая, грузный, презентабельно одетый мужчина солидного возраста, слил весьма конфиденциальную новость Сергею, который вышел покурить вслед за ними, чтобы «примелькаться» в глазах столь влиятельных людей.

– Нет у нас перспектив, – выдохнул облако дыма москвич, – поэтому продают нас другому банку в следующем году. Жди больших перемен.

– Тише, Олег Леонидович, – совершенно седой, крупный и сильный человек, в возрасте сорока пяти лет, принялся тревожно осматриваться по сторонам, – нас могут услышать.

– Кто? Он? – толстым, указательным пальцем с золотым

перстнем, ткнул в вошедшего Сергея московский начальник.

– Нет. Ему можно верить. Сергей Иванович на хорошем счету лично у меня, – вступился за него Артём Николаевич, являясь непосредственным руководителем Берлова, – с ним мы работаем десять лет. Сергей – могила, если выразаться образно.

– Вот и хорошо, – грузный незнакомец затушил сигарету о стену, бросив окурочек на пол, – потому что, как сказал Натан Майер Ротшильд: «Кто владеет информацией, тот владеет миром». А этот щегол, только что получил свой шанс проявить себя, узнав о грядущей сделке.

– Я не подведу, – тихо ответил Сергей, держа не зажжённую сигарету в руках.

– А я с тобой и не разговариваю, – вежливость явно не была сильной стороной Олега Леонидовича, – я с твоим начальником говорю – Бойченко Артёмом. Услышал меня? Если он разрешит тебе говорить или я спрошу, то только тогда ты откроешь рот. Ты понял?

– Да, – проглотив явное оскорбление, скромно ответил Сергей.

– Вот и хорошо, – москвич хлопнул молодого мужчину по плечу, увесистой рукой, – у тебя есть будущее, Сергей. Стерпел это обращение, стерпишь и всё остальное. Прощай Сергей Иванович.

Руководители вышли, оставив Берлова на задымлённой лестничной клетке. Свою сигарету он так и не зажгёт. Он не

любил курить и делал это только для вида, получая необходимую информацию в местах для курения.

Несмотря на сообразительность и дальновидность Берлова, далеко не все в Иркутском областном руководстве, ценили амбициозного и хитрого выскочку, которому пророчили скорое повышение. Многие местные воротилы финансовых потоков прекрасно понимали, что если в Москве примут решение в пользу новенького, кто-либо из них потеряет своё тёплое место. Особенно недолюбливал Сергея небезызвестный в Иркутске, титулованный марафонец – Басалаев Евгений Петрович, который, улыбаясь в лицо своему младшему коллеге, параллельно собирал на Берлова весь доступный компромат.

И Басалаев и Бойченко крайне не любили друг друга. Они буквально разделили центральный офис на два враждующих лагеря, негласными лидерами которых, являлись лично они. Только Бойченко предпочитал действовать, более открыто, честно критикуя деятельность оппонента.

Басалаев же – человек скрытых, подготовленных манипуляций. Он отвечал практически за все операции вкладчиков, благодаря покровительству из самой Москвы, поэтому был нужен банку и всегда выходил победителем из самых рискованных операций.

Бойченко просто выполнял свою работу. Басалаев, являясь заядлым игроком и спортсменом, что иногда одно и то же, старательно множил общий капитал, получая свой, су-

щественный процент.

Новость о продаже банка всколыхнула старую вражду лагерей. Теперь игра шла на уничтожение. Продажа столь большой, общероссийской структуры другому владельцу, непременно бы выявила все подводные камни иркутского управления, поэтому представители проигравшего лагеря понесли бы великую ответственность – на них, победившая сторона взвалила бы все мыслимые и немыслимые грехи.

Но вся эта ситуация только прогнозировалась на базе слухов и из обрывков разговоров. А существовать и взаимодействовать с разделённым руководством, нужно было сейчас. Поэтому, Сергей, беспрестанно находясь под пристальным вниманием Басалаева, всегда очень щепетильно относился к своей репутации, стараясь не вмешиваться в жизненные неурядицы, вынужденный вести жизнь добропорядочного гражданина. Надо сказать, что самого Берлова, впрочем, такое положение дел полностью устраивало.

Умение жить и действовать среди двух огней, открывала новые возможности развития. В свой юбилей, на рубеже четвёртого десятка лет, Берлов купил себе отличную, трёхкомнатную квартиру с евроремонтom, в самом центре города. Часть денег, под самые льготные проценты, пришлось взять в кредит, но его условия, «для своих», были предельно лояльны. Поэтому молодой банкир, как никто другой знал, на что идёт, взваливая на плечи финансовую каббалу. К тому же, большая часть суммы сложилась из личных накоплений,

и именно поэтому кредит был не столь огромен, сколько стоила сама квартира. По плану, закрыть кредитный счёт, Сергей должен был уже в 2019 году, в отличие от миллионов «ипотечников», которые ради своего угла, впрягались в денежное рабство, на десятилетия принимая на себя давящее ярмо большого заёма.

Жил перспективный и молодой банкир предельно одиноко. Он даже не потрудился завести себе домашнее животное, полностью сосредоточенный только на своих амбициях. К тому же он очень любил уединение – тишина вечерней квартиры была для Берлова величайшим благом после трудового дня, полного интриг.

Благодаря своей фанатичной преданности любимому делу, Сергей давно растерял даже самых преданных друзей. При этом он совершенно не хотел семьи. По крайней мере, не сейчас. Искусный карьерист прекрасно понимал, что в современном мире женщина рядом – это не поддержка, но множество проблем при полном отсутствии выгоды. Дети – большая ответственность, и к ним он не был готов совершенно.

Человек современного склада ума, Сергей не мыслил мерками большинства, которое с детства было запрограммировано на размножение. Берлов чётко видел свои перспективы, поэтому пёр напролом, растеряв по пути всех подруг и друзей.

Даже с родителями ему было не о чем разговаривать уже

много лет. Пока родители довольствовались малым, он желал громкой славы и богатства. Пока родители смотрели по телевизору увеселительные передачи, он скрупулёзно, по крупицам собирал информацию об индексах рынка ценных бумаг или о взлётах и палениях котировок на фондовом рынке валют. Пока его довольно религиозный отец, славя Бога, хвастал новым звукорежиссерским пультом, деньги на который ему выделило руководство Дома Культуры, Сергей вкладывал третий миллион под проценты, поклоняясь только одному божеству – деньгам.

Сексуальные потребности, свойственные тридцатилетнему возрасту Сергей удовлетворял легко – большая зарплата, проценты с вкладов и солидные премии от руководства он не транжирил, предпочитая копить капитал, однако три-четыре раза в месяц, в свой короткий, воскресный выходной, Берлов позволял снять себе дорогую представительницу самой древней профессии. Такой формат «общения» с женским полом его полностью удовлетворял, равно как и действия по схеме: выбрал девушку, заплатил деньги, получил удовольствие, отправил её домой.

Как опытный финансист и вкладчик, Берлов прекрасно понимал, что в современном мире даже самая дорогая женщина лёгкого поведения обходиться дешевле для кошелька, чем потребности избалованных фиф, которые вели настоящую охоту за лакомым женихом, которым являлся Сергей. Все эти дамы, иногда дежурившие у его подъезда, чтобы яко-

бы случайно поскользнуться и упасть у него на глазах, не могли дать в ответ ничего, кроме истерик и кривляний на телефон, следовательно, не стоили для него и ломаного гроша.

В свою очередь, с женщинами лёгкого поведения Сергей общался просто и легко. Постепенно, у него, как у любого постоянного клиента, появились свои любимицы, которые, весьма ценили галантность и добропорядочность молодого человека, равно как и его красоту. Поэтому часто не брали плату, в обмен на возможность хорошо и комфортно провести время с Берловым.

Возможно, в столь пикантной благотворительности, была и ещё одна скрытая первопричина – природа наградила Сергея просто отличной внешностью и фигурой. Говорят, что красивые люди появляются на свет, если их делают с любовью и Берлов прекрасно соответствовал этому милому заблуждению, так как был рождён в великой любви и понимании между родителями, которую, впрочем, они полностью потеряли с годами.

Худой, высокий, черноволосый мужчина, со стальными, серыми глазами, очень похожий на своего отца, неизменно притягивал взгляды женщин к себе на улице, когда шёл пешком (это случалось редко, так как в пользовании Сергея уже давно была престижная иномарка родом с Японии). Чистая кожа, белые зубы, опрятный внешний вид, длинные, тонкие пальцы и отсутствие лишних отложений на теле являлись его визитной карточкой на работе и в быту. Он знал, что может

легко очаровывать женщин своим внешним видом, поэтому без зазрения совести пользовался этой способностью, мило заигрывая практически с каждой, с кем сводила его судьба.

Жертвами его природного магнетизма и обаяния становились как рядовые сотрудницы банка, так и леди, работавшие в руководстве. Его ореол влияния не ограничивался чистыми, белыми стенами отделения банка, где он проводил шесть дней в неделю, в большом и просторном кабинете, но напротив, простирался на любое место, где бы Сергей ни появлялся. Кассирши продуктовых магазинов, консультанты салонов связи, парикмахерши престижного заведения в центре Иркутска – все они в тайне мечтали, что именно им знаменитый красавец ответит взаимностью. Но этого не случилось, потому что эмоционально холодный от природы Берлов прекрасно контролировал свои чувства.

Так бы и жил Сергей до солидного возраста, если бы не одно происшествие, в корне изменившее жизнь.

Глава 1. Новая жизнь начинается с краха

Можно сказать, что история внутреннего преобразования Сергея началась утром 30 сентября 2017 года, пять дней спустя после разговора на прокуренной лестничной клетке.

В тот день, бывший финансовый аналитик, а ныне исполняющий обязанности руководителя отделения, находился в прекрасном расположении духа. Бодрый и мотивированный Сергей, ранним субботним утром выезжал со двора на работу. Завтра его ждал выходной, и он искренне хотел одного – расслабиться в компании с одной очень талантливой жрицей любви. Внешний вид новой девушки по вызову больше соответствовал образу прилежной гимназистки, чем образу развратной и опытной дамы, каковой она являлась.

Этот незабываемый контраст милого взгляда из-под больших, круглых очков при встрече, с тем, что она вытворяла голая в кровати вместе с Сергеем, вынуждал молодого мужчину уже третий раз вызывать её в личные апартаменты, в течение последнего полугода. Мысли об упругом, небольшом теле подвели его – он отвлёкся от дорожной ситуации.

Когда на улице идёт дождь, за рулём нужно быть особенно внимательным и осторожным, даже если улицы города прак-

тически пусты от машин, но Сергей, одетый в серый, фирменный, строгий костюм при галстуке, бодро давил на газ, обгоняя редких автолюбителей. Берлов знал, что если он не превысит скорость сейчас, то непременно опоздает в банк, на непростительно долгие десять минут. От своих подчинённых Сергей требовал предельной пунктуальности, поэтому прекрасно понимал, что и сам должен соответствовать данному требованию. Это было необходимо хотя бы даже для того, чтобы сам Басалаев не смог подкопаться под его стиль руководства на испытательном сроке, став препятствием на карьерной лестнице.

К счастью в ранний, сумрачный час пробок не было, что позволяло держать большую скорость, притормаживая только на перекрёстках. В тёплом кожаном салоне автомобиля, Берлов, ежеминутно поглядывая на дороги, наручные часы, которые купил больше для статуса, чем руководствуясь реальной потребностью. Рукав белоснежной, новой рубашки, скрытой под пиджаком, неприятно давил на запястье при каждом взгляде на циферблат. Эта мелочь существенно раздражала. В мире Сергея всё должно было быть идеально и способствовать достижению успеха.

Во всём Сергей видел скрытые смыслы и возможности. И в данный момент, благодаря богатому воображению, японский автомобиль мчал по улицам не на работу, но в успешное завтра, которое позволяло забрать всё от распадающегося банка и больше не зависеть ни от кого.

Все прелести грядущего успеха, каждое утро Сергей визуализировал за завтраком, мотивируя себя на продуктивный рабочий день. Он верил в силу воображения и поэтому старался, чтобы и его внешний вид всегда соответствовал его лучшим представлениям о себе. Костюм должен был быть второй кожей и никак иначе!

«Рубашку нужно поменять», – раздражённо подумал он, вслушиваясь в переливы классической музыки.

Всё было как обычно и ничего не предвещало беды.

Когда торопишься – любая пауза кажется бесконечно долгой. Красные цифры на очередном светофоре, словно издеваясь над банкиром, медленно шли к нулю и Берлов, сторя от нетерпения, поигрывал газом, добавляя оборотов мощному движку. Судьбоносное решение рвануть на жёлтый свет, он принял чуть ли не инстинктивно, вырываясь вперёд из общего ряда машин. Ровно такой же торопливый водитель принял аналогичное решение, вылетев с правой стороны перекрёстка, добавляя скорости пассажирской маршрутке, намереваясь успеть проскочить опасный участок до появления красного сигнала.

Два решения смертельно столкнулись на середине пересечения дорог. Удар в правую заднюю дверь иномарки был ужасающим. Сергей успел заметить белые и жёлтые фары, выстроившиеся вокруг перекрёстка, после чего мир завертелся перед его глазами, в пронзительном скрежете металла и звоне стеклянных осколков. Невероятно громко хлопнули

спасительные подушки безопасности, оберегая тело от смертельных повреждений. Но и того урона, что Сергей получил, деформируясь вместе с корпусом своего автомобиля, хватило, чтобы сломать сразу обе ноги в районе голени и с мокрым хрустом повредить позвоночный столб. Его нескончаемые кувырки внутри металлического кузова остановил новый удар – машину банкира отбросило так далеко, что серый седан, поднявшись в воздух, буквально рухнул сверху на капоты чужих машин, стоящих слева.

Изогнутая вовнутрь крыша, пробила голову и на какое-то время наступила спасительная темнота, оберегая разум от первой волны дикой боли.

Впрочем, сознание предательски вернулось вскоре, вместе с криками незнакомых людей:

– Там человек! Туши!

Крик мужчины раздался совсем рядом, но звучал так, как будто неизвестный спасатель старался докричаться за сотни метров, от места аварии.

Сергей клочками приходил в себя. Нет, это не оговорка – именно клочками. Он не всегда осознавал кто он, где он и что произошло. Сознание поэтапно собиралось воедино, сливаясь в смутное понимание причинно-следственных связей. Первое, что действительно удалось понять Берлову – это то, что машина горит.

– Да пусть горит, скотина, – рычал второй мужик, невидимый из-за залитых кровью, сомкнутых глаз, – из-за него

девушка в маршрутке погибла.

– Это ещё неизвестно!

– Вася, я видел, как она отошла на тот свет. С такой травмой головы не живут.

– Туши! Потом разберёмся.

Синхронное шипение огнетушителей прервало ругань мужчин. Сергей закашлялся, ощущая, как лёгкие заполняет отвратительная смесь гари, крови и содержимого противопожарных устройств.

– Мало, Вася! Ещё!

– Я пуст...

С трудом, Берлов разлепил правый глаз, понимая, что смотрит на мир вверх ногами. Ремень и подушка безопасности сковали его тело так, что он висел в пространстве между дном и деформированной крышей, с ужасом наблюдая, как сквозь щель распахнутого и свисающего капота, из двигателя вырываются небольшие языки огня. Из-за перевёрнутого положения пламя стремилось взобраться вверх, по доступному, горючему материалу. Сохрани автомобиль нормальное положение – и Берлов бы уже горел, расплачиваясь за смерть невинной незнакомки.

Рыжий, конопатый парень, показался у водительского окна, стараясь вытянуть Сергея за плечи, отчего раненный заорал, костеря своего спасителя. Вот тут-то горе-водитель и понял, что такое страдание.

Его придавленные, нижние конечности и до этого ныли

тупой, зубной болью. Но когда их положение сменилось на сантиметры, целая волна катастрофических ощущений, прошлась по нервной системе, миллионами ножей впиваясь в тело Сергея. Его вырвало прямо на руки спасителя.

– Вася, сгоришь! Уходи!

– Он живой! – несогласно рычал Василий, стараясь во сто бы то ни стало, перочинным ножиком, перепилить добротную ткань ремня безопасности, – как я его оставлю?

Жар подступал. Пламя облизнуло остатки лобового стекла, бесцеремонно перекидываясь на панель управления и пассажирское сидение. Левую сторону зажгло, добавляя к состоянию Сергея порцию новых ощущений.

От жара, рукав его рубашки стал плавиться, въедаясь в окровавленную кожу, становясь единым целым с живой структурой. Стало настолько плохо, что сознание Берлова буквально плавало по грани бытия и небытия, для спасения от боли, пронося перед глазами самые стоящие эпизоды из жизни:

– Папа, а что за огни на небе? – Сергей, укутанный до самых глаз, лежал в санках и смотрел на звёзды, ещё не понимая, отчего небо ночью украшает множество гирлянд.

– Это звёзды, сынок, – раздался глухой голос Ивана Владимировича, который виднелся Сергею со спины.

Руки отца сжимали верёвочку саней. Его только что забрали из яслей.

– Звёзды – это такие же люди, как я и ты, только которые

ушли с нашей планеты далеко-далеко, к Богу – продолжал говорить отец, не сбавляя шага.

– Как бабушка и дедушка?

– Да, как они.

Они... Огни... Гони... Гори...

– Горит! Вася он горит, оставь его!

– Нет, – упрямо рычал плотный, дикого вида парень, борясь с проклятым ремнём.

Берлов, хорошо воспитанный творческими, духовно богатыми родителями, всегда осознавал, что рано или поздно умрёт, как и всё живое на этой планете. Отец с детства преподносил смерть, как дальнюю дорогу в иные края, из которых нет возврата. Но Сергей искренне верил, что отойдёт в мир иной, где-нибудь на тёплом берегу Средиземного моря, укутавшись в плед и наблюдая как чистый, последний рассвет в своей жизни поднимается над искрящимися, тёплыми волнами.

Вместо этого его нестерпимо мутило, тянуло, разбивало на части невероятность болью, а вместо диска встающего солнца над океаном, перед его глазами мельтешило взопревшее Васино лицо, которое Сергей успел рассмотреть в мельчайших подробностях:

– Оставь меня, умрёшь, – простонал Берлов, не желая, чтобы пострадал ещё один человек.

– Да заткнись ты!

С внешности равнодушного спасателя можно было пи-

сать карикатуры. Широкий, скуластый овал головы, короткая стрижка, зелёно-карие глаза и толстый, приплюснутый в драке нос. Одет Василий был в синюю, грязную робу и, по всей видимости, зарабатывал себе на пропитание самой простой и непрезентабельной работой, что не мешало ему самоотверженно спасать попавшего в беду банкира.

– Спасибо, – прошептал Сергей, будучи искренне благодарным, героическому парню, – за равнодушие.

– Рано говорить спасибо, – прорычал Вася, наконец-то разорвав недорезанный ремень.

Следующим препятствием стали подушки, которые спасатель проткнул своим ножом. В тот момент, когда до извлечения пострадавшего оставались секунды, огонь перешёл в решительное наступление, зацепившись за изорванный рукав пиджака.

Запах горячей плоти не перепутать ни с чем. Особенно когда горит собственная плоть. Василий, усилием мощных рук выволок наружу стонущего, причитающего Сергея, осторожно сбивая пламя снятой робой с рукава дорогого костюма. Тем не менее, расплавленная рубашка успела сильно повредить кожу, буквально вплавив ткань внутрь левой руки Берлова в районе плеча и бицепса.

На холодном, мокром асфальте, ноги вывернулись под неестественными углами, порождая последнюю волну шипящей боли, невиданного размера. Перед тем как отключиться во второй раз, Берлов увидел толпу зевак вокруг и поверну-

тые в сторону него, камеры сотовых телефонов.

Зевак было много – не пересчитать даже опытному банкиру! И из всего этого разношёрстного, разномастного великолепия людей, реальные действия по его спасению предпринимали всего несколько человек. Остальные так и остались сторонними наблюдателями чужой драмы.

Меркнувшее сознание успело проанализировать наличие ещё двух звуков, кроме гомона толпы. Первым была сирена, приближающейся скорой помощи. Вторым – вой женщины, которая молила Бога о том, чтобы её дочка выжила в автокатастрофе.

Его стоны напоминали хрипы. Это Сергей чувствовал и слышал сам, но не мог остановить этот бесконечный поток стенаний, бесконтрольно вырывающийся изо рта.

«Где я?» – первая осознанная мысль, очнувшегося внутреннего диалога, прошла сквозь пелену образов и ощущений бессознательного – холодный хоровод звёзд растворился, пропуская сквозь кровавую, рубиновую пелену белое свечение больничных ламп.

Вместе с белым светом пришёл жар – сильный, нестерпимый, ужасный. Он концентрировался в левой части тела и распространялся до самых дальних уголков физической оболочки. Особенно пылала черепная коробка и от этого, мысли, возникающие внутри головы, ощущались раскалёнными болванками информации, которые порционно вырывались

из огромной, сталелитейной печи.

Повернуться не получалось. Единственное, что хоть слегка шевелилось в его организме – это правая, обвитая проводами, рука, которую не сковывал гипс. Но и её возможности движения были предельно ограничены, ввиду мизерных сил, которые сохранил организм.

«Хорошо. Я жив. И это главное. Боль утихнет и уйдёт. А ты, Сергей Иванович, будешь вспоминать об этом в будущем, с толикой гордости, что ты преодолел испытание» – мысленно, сам себя постарался утешить больной, – «это только тело».

Испытание. Слово стало выпуклым, объёмным в общем потоке раскалённых мыслей. Что-то ещё мешало ему принять реальность, но что? Он пока что не мог понять.

Удалось открыть правый глаз. Затемнённая палата постепенно проявлялась сквозь пелену ресниц, позволяя понять Сергею, что он находится в реанимации. Его тело было увито датчиками и иглами, а роскошную, широкую койку, на белоснежных простынях которой лежал больной, окружали мерцающие и мерно гудящие аппараты, не давшие ему умереть. У стены, сидя на стуле и закинув ноги на небольшую табуретку, мило спала пожилая, седая медсестра, облачённая в белый халат, поставленная здесь врачом, чтобы неотступно следить за жизнедеятельностью привилегированного тяжелораненного человека.

– Сестра, – тихо, невнятно, сквозь жатые зубы прошипел

Берлов, и, собрав все свои силы, повторил вновь, – Сестра!

Получилось громче и чётче. Женщина смешно встрепетнулась, отчего волосы, сложенные в пучок, зашевелились подобно гребешку на голове курицы, и поправила большие, круглые очки, сползшие с носа. Глаза её ещё не могли обрисовать картину палаты, поэтому она оперлась о небольшой столик рядом, неловко разбрасывая книги и журналы. Тем не менее, она была очень профессиональна, так как, ещё не проснувшись до конца, минуя деятельность сонного рассудка, её речевой аппарат выдавал дежурные фразы:

– Больной, вам нельзя вставать! Молчите! Лежите! Не шевелитесь!

– Сестра, – не слушал её Берлов, – девушка в маршрутке... она жива?

– Я не знаю, – голос женщины дрогнул, выдавая внутреннее смятение, а Берлов был профессионально заточен на то, чтобы выявлять неуверенность и сомнения людей.

– Не врите мне...

– Я не знаю! Я позову дежурного врача!

Медсестра быстро ретировалась за дверь и вскоре, в палате показался собранный, бодрый врач – седоволосый, бородатый, немного тучный мужчина преклонного возраста.

Под халатом контуры тела угадывались смутно. Но за тот факт, что мужчина оставил позади лучшие свои годы, говорил крупный, пивной животик, натянувший пуговицы в районе талии. Данная выпирающая особенность фигуры в со-

четании с худыми, профессионально-ухоженными руками и короткими ногами смотрелась довольно смешно.

Не слушая причитания больного, доктор внимательно осмотрел показания приборов и только после этого снизошёл до ответов:

– Девушка... – задумчиво протянул хирург, – не припомню, что доставляли.

– Новости. Такая авария не может не промелькнуть в новостях.

– Это палата интенсивной терапии, молодой человек. Сюда даже родственников не допускают, не то, что телевизор, с его вечным стрессом и обманом! Радуйтесь, что вы вообще очнулись и сохраняйте силы. Я не слежу за новостями в городе. Моя работа подразумевает моё полное отрешение от событий мирской жизни. Пока не утруждайте свою голову лишней информацией. Вы разберётесь с ситуацией, когда встанете на ноги. А пока я введу вам снотворного и обезболивающего. Вам нужно поспать.

Совершенно не слушая пререкания беспокойного пациента, хирург ввёл лекарства через катетер, после чего дождался момента, когда пациент уснёт и направился в сторону выхода из палаты. Медсестра, в свою очередь, заняла привычное место на стуле, принимая удобное положение тела:

– Виктор Геннадьевич! Так жива девушка то? – шёпотом спросила своего начальника, пожилая женщина.

Хирург ничего не ответил. Лишь коротко, отрицательно

мотнул головой.

После введения снотворного, снилась сушая ересь.

События на перекрёстке замерли, полностью прекратив ход. Полостью раздетый Сергей, смотрел со стороны на толпу зевак и чёрный дым, поднимающийся у людей над головами. Там, внутри дорогой иномарки, его спасал Василий, чьё лицо запомнилось невероятно чётко. Но здесь, в состоянии сна, Сергею было плевать на сцену своего спасения.

Волею судеб, он, бестелесным призраком стоял возле перевернутой маршрутки, где на коленях, у распростёртого тела девушки с разожжённой головой, замерла чудаковатого вида женщина, явно из неблагополучной, социальной прослойки. Время замерло в тот момент, когда без брезгливости, мать сжимала голову своего ребёнка, стараясь собрать воедино рассечённую плоть.

Коричневый цвет лица, глубокие морщины, плохая, потрёпанная и грязная одежда страдальцы выдавали в немолодой женщине глубокое пристрастие к алкоголю. Погибшая девушка, наоборот, была чиста, хорошо одета и стройна. Вот только сейчас в этом не было никакого смысла.

– А ведь я только уговорила маму закодироваться, – раздался грустный, тихий голос из-за спины.

Сергей обернулся. Он сразу узнал призрака рядом – молодая и здоровая девушка, лет двадцати от роду, немного наклонив голову набок, с прищуром разглядывала Берлова

возле своей физической оболочки. Чувствуя себя убийцей, Сергей потупил взор, но всё же нашёл в себе силы, развернуться навстречу жертве собственной торопливости:

– Прости, – выдавил из себя мужчина, который совершенно не привык извиняться.

– Какой теперь смысл для меня в твоём прощении?

Незнакомка была очень красива при жизни. Посмертная бледность худого, чистого лица невероятно шла девушке, в то время как растрёпанные, чёрные волосы так и замерли взлохмаченным ореолом, повторяя свою последнюю укладку на коленях матери.

– Я, правда, не хотел.

– Понимаю. Но и в это теперь нет смысла.

– Что я должен сделать, чтобы исправить хоть что-то? – Сергей вскинул глаза, всматриваясь в лицо призраку.

– Доведи дело до конца. Мама, не может вырваться из алкогольной зависимости. Я же работала днём и ночью, чтобы прокормить её и двух младших братьев. Сергею и Саше нужна опека. Я заменяла им её. Сделай так, чтобы мои труды по спасению семьи не прошли напрасно. Тогда я прощу тебя. Ну а пока...

– Что пока...

– Ты будешь страдать, – призрак улыбнулся, постепенно растворяясь на фоне замерших машин.

– Как тебя зовут? – успел крикнуть Сергей.

– Катя. Меня зовут Катя, – бестелесное эхо загуляло по

перекрёстку.

Когда последний отзвук голоса потух, что-то невидимое и сильное, взяло Сергея под грудки, втягивая в тело девушки. Замерший хруст костей, липкое кровотечение головы и ужасная боль обрушились на него одновременно, вынуждая чувствовать всё то, что чувствовала Катя перед своей кончиной.

Практически полторы недели Сергей провёл в беспокойных снах, в которых он умирал снова и снова. Когда ему всё-таки позволили проснуться врачи, боль и жар значительно притупились, возобновляясь только после небольшого напряжения мышц. Клиника, в которую попал Берлов, была дорогой и современной – медсестра регулярно обрабатывала его тело, разминая открытые участки, тем самым оберегая неподвижные ткани от образования пролежней. Однако, вскоре, зуд тех частей туловища, которые были закованы в гипс, стал воистину нестерпимым, равняясь по своей надоедливости и сокрушительности с образами из снов.

Неудовлетворённое желание почесаться изводило душу, терзая естество Сергея даже хуже, чем ожог левой стороны тела. Хуже всего, что нечем было отвлечься – Виктор Геннадьевич – его лечащий врач, с которым он успел познакомиться в момент первого пробуждения в палате, был фанатиком идеи полного покоя, поэтому даже телефон Берлову был запрещён.

В конце второй недели в палату допустили маму, и ситуация стала ещё хуже:

– Сыночек, дорогой! – выла и причитала расстроенная, полная женщина, которая всегда сильно раздражала Сергея, своей чрезмерной заботой и опекуномством, – как ты себя чувствуешь, золотко моё? Как ручки? Как ножки?

– Нормально, – пришлось сглотнуть слюну, чтобы не нагубить, – успокойся, мама. Слезами делу не поможешь.

Но Анну Викторовну было не остановить. Она сотрясала в рыданиях своё мягкое тело, пухлыми пальцами поглаживая сына по свободной руке. Телячьи нежности Сергей не любил, поэтому решительно отдернул руку, закипая гневом:

– Прекрати.

– Хорошо, – мама поняла, что перегнула палку, – твой руководитель из управления приезжал к нам домой, со словами соболезнования. Он и поместил тебя сюда. Как там его... Не припомню...

– Артём Николаевич? – Сергей был уверен, что стараниями его всесильного покровителя, его поместили в дорогую, частную клинику.

– Нет, – мотнула головой мама.

– Ты не путаешь? Бойченко – это крупный мужчина. Ты видела меня пару раз в компании с ним.

– Нет, говорю же, это был не он. Твой благодетель был... как бегун – кожа да кости. Фамилия, по-моему, тоже на «б» начинается.

– Басалаев Евгений Петрович? Высокий, худой, знаменитый марафонец, лет на десять лет меня старше? – заметно напрягся Сергей, предполагая самое худшее.

– Да, он, – радостно закивала Анна Викторовна, – он нам очень помог деньгами. У нас нет доступа к твоим сбережениям, поэтому он оплатил кредит на два месяца вперёд, разместил тебя в дорогой клинике, а также утрясает дела с полицией...

Подобная забота со стороны человека, явно нежелающего видеть Берлова в руководстве, была очень странным проявлением чувств, однако сейчас Сергея взволновали другие обстоятельства:

– Какие дела с полицией?

– А тебе никто не рассказали? – у Анны Викторовны расширились глаза – она поняла, что сболтнута лишнего.

– Говори уже...

– Ну, в момент аварии, тебя протаранила маршрутка. Ты, наверное, об этом слышал, – нерешительно пожевав пухлые губы, наконец-то сказала хоть что-то конкретное родная мама, – благо, что маршрутка была почти пуста. От удара она перевернулась и если бы внутри все были пристёгнуты, то ничего бы не случилось, а так...

– Что так?

– Одна девушка получила повреждения...

– Насколько серьёзные? Говори! Не беси меня! – гнев провалился наружу чередой резких, отрывистых реплик.

– Серьёзные.

– Мама! Если ты не скажешь прямо, то до того момента, пока я лично не выйду из больницы, ты больше не войдёшь ко мне в палату. Я обещаю. Виктор Геннадьевич, мой лечащий врач, с радостью пойдёт навстречу моей просьбе, так как очень не любит посетителей. А не выйду я отсюда ещё долго.

– Сынок, – Анна Викторовна затряслась лицом, находясь на пороге новых рыданий, – сынок, она погибла. Мы не хотели говорить. Мы думали, что эта информация убьёт тебя. Басалаев как может, сдерживает следователей, чтобы они не пришли в палату и не начали допрос обстоятельств этого громкого происшествия. А город, между тем, кипит...

Сергей не слушал мать, полностью погрузившись в собственные мысли. Второй особенностью преподавательницы вокала, являлось то, что если она уже начинала говорить, то информация превращалась в нескончаемый поток собственных выводов, домыслов и слухов. Берлов давно, с самого раннего детства, знал собственную родительницу, как облупленную, поэтому прекрасно понимал, что основные информационные сливки, находятся в самом начале длинного монолога. После чего можно с чистой совестью абстрагироваться от дальнейшего рассказа и уйти внутрь себя.

Верил ли Сергей в вещие сны? До аварии – нет. Но повторяющийся полторы недели сюжет умирания в чужом теле и разговор с Катей, заставил Берлова усомниться в позициях

предыдущей картины мира.

Анна Викторовна причитала и причитала и под её неровную, эмоциональную речь, Сергей пытался размышлять:

«Значит, девушка погибла из-за меня», – страшное осознание чужой смерти, причиной которой являлся именно он, накрыло с головой. «Значит, именно из-за моего желания успеть на работу, я убил человека. Но виноват ли я один? Водитель маршрутки тоже рванул на жёлтый свет! Следовательно, и я, и он виноваты в равной мере».

Логика работала безукоризненно, мысленно разделяя вину на две равные половины. Но совесть... она была непреклонна, раздирая изнутри жутким, давящим осознанием страшного факта.

Чтобы мама ушла, Сергей постарался изобразить глубокий сон, но настырная родительница, терзаемая любовью и жалостью к собственному чаду, умываясь слезами, просидела возле больничной койки целый час, периодически вымаливая дополнительные десять минут присутствия в палате у медицинского персонала.

Вроде бы подобное положение вещей должно было умилить Берлова, но вместо этого настырное и глупое присутствие не вызывало ничего, кроме чувства глубокого раздражения.

С мамой Берлов практически не общался с четырнадцати лет. Ему хватило ума осознать, что гиперзабота матери ведёт к деградации. Стоило ему кашлянуть или чихнуть в её

присутствии, как с полки старинного серванта важно доставалась коробка с медикаментами, и в якобы болеющего Сергея вливалось всё, что могло уберечь дитяtko от страданий, связанных с простудой.

К четырнадцати годам, медицинская карточка Сергея была толщиной со старинный фолиант. Именно в момент очередного посещения врача, критически взглянув на вещи, Берлов понял, что если он не оттолкнёт мать от себя, то оттолкнёт прочь возможность стать здоровым и полноценным человеком.

С четырнадцати лет Берлов практически не шёл на контакт, мужественно перенося на ногах, самые тяжёлые простуды. Всё это нужно было для того, чтобы подорванное здоровье, понемногу начало выправляться, превращая болезненного, худосочного подростка, в высокого и стройного юношу, чей иммунитет успешно справлялся со всеми сезонными вызовами.

Теперь же, в палате, под тихие всхлипывания матери, Берлов чувствовал, что снова невольно ощущает себя тем четырнадцатилетним юнцом, которого родная мать желает, во что бы то ни стало поставить на ноги вливанием препаратов и микстур.

Когда Анна Викторовна ушла, раненный мужчина ощутил глубокое облегчение.

Радовался он рано. Следователь – лёгкий на помине, вошёл в палату пятнадцать минут спустя, разминувшись с за-

плаканной матерью в дверях больницы. Одетый в гражданский, строгий костюм представитель правоохранительных органов был больше похож на адвоката или менеджера средней руки, но ещё с порога, Берлов прекрасно понял, кто на самом деле приближается к нему. С приходом полицейского началась новая чередка мытарств:

– Сергей Иванович, здравствуйте. Меня зовут Роман Эдуардович Левченко, и я являюсь старшим следователем полиции в звании капитана. Вам уже сказали, по какому поводу я вас беспокою?

– Да, – хрипло ответил сотруднику Сергей, – смерть причинённая непредумышленно.

– Нет, – отрицательно замотал головой Роман Эдуардович, хищно улыбаясь при этом – с этим разобрались без вашего участия. Видео с камер наблюдения и видеорегистратора, показывают, что водитель маршрутки значительно превысил скорость, чтобы успеть на перекрёсток, а вы тронулись на зелёный свет.

– Но это было не так. Я чётко помню жёлтый показатель светофора, – сглотнув слюну, честно ответил Берлов.

Он находился в таком сокрушённом состоянии рассудка и души, что был готов принять любой приговор, со стороны правоохранительных органов. Лишь бы совесть хоть немного отпустила свой железный захват.

– Это не так, – с нажимом ответил Левченко, – всё было так, как я сказал и никак иначе! Значит, вас не успели преду-

предить. Кое-кто очень влиятельный в городе и кому репутация банка совсем небезразлична, заплатил хорошую сумму, чтобы мы выявили ваш старт на зелёный свет. К сожалению, ради этого пришлось продать вашу квартиру, которая находилась в залоге у финансового учреждения, но потеря жилплощади – это меньшее из зол в данной ситуации.

– Так значит вы от Басалаева? – ухмыльнулся Сергей, спокойной воспринимая факт потери трёхкомнатной квартиры.

– Да. И вы должны быть ему благодарны, что вместо вас за решётку отправиться другой водитель. Также, Евгений Петрович взял на себя обязательства, купив на остатки средств вам отличную студию в самом центре Иркутска. Он пообещал, что сохранит вам текущую должность в банке на время вашего длительного отсутствия, однако прозрачно намекнул, что отныне все ваши амбиции и претензии на место выше должны быть полностью забыты. Иначе особые обстоятельства данного происшествия немедленно всплывут при рассмотрении вашей кандидатуры на руководящую должность в областном управлении. Вы всё поняли, Сергей?

– Всё что нужно. А вы, стало быть, обычная шестёрка в погонах, на денежном поводке у банка?

– Не стоит оскорблять попусту, – капитан улыбнулся, привыкший к разным ситуациям за время длительной службы, – время сейчас такое. Каждый зарабатывает, как может, а у меня скоро пенсия. Кто-то продаёт сны. Кто-то информацию. Я продаю свободу. Водитель маршрутки виноват в равной

мере, что и вы. Поэтому его наказание вполне заслуженно – он не получил и царапины. А вы... вы и дальше трудитесь на благо финансовой системы и радуйтесь, что у вас есть толь могущественные покровители. Всего доброго Сергей Иванович. Мне приятно было брать у вас показания. Следствие не нашло в ваших словах ничего криминального.

Капитан Левченко встал, и карикатурно склонив голову, как полицаи царских времён, стремительно развернулся на каблуках казённых ботинок, после чего вышел за дверь, оставив Берлова наедине со своими мыслями.

Одиночество, как дорогое вино, усиливает те чувства, которые испытывает человек. В пустой, безукоризненно-чистой палате, откуда была удалена даже медсестра, когда критическая ситуация миновала, была ледяной, белоснежной пустыней, посреди которой, как на арене, лежал бледный человек.

Внешность Сергея изменилась. Лобовое стекло, распадаясь на части, сильно посекло лоб и щёки банкира, отчего врачам пришлось наложить не один десяток швов, когда он спал. Левый глаз всё ещё плохо функционировал, отливая бордовыми оттенками повреждённого белка. Обнажённое плечо, на которое регулярно налагалась чистая марля, дурно пахло под несколькими слоями противоожоговой мази.

Но это были цветочки. Ягодки изматывали душу и внутренний настрой на выздоровление.

Сергей, до этого момента, не молился никогда. Но сейчас, с уходом капитана, слова самодельного обращения к Богу, так искренне и легко складывались внутри его воспалённой головы, что он уже почти решил, что единственным искуплением столь большого греха, будет путь в монастырь:

«Господь Всемогуший», – в который раз, по кругу в течение получаса, взывал он к Всевышнему, – «прости меня грешного за мой поступок. Я не хотел смерти невинного дитя. Знал бы я, что так произойдет, и я бы остался дома, наплевав на работу. Я бы предпочёл потерять своё место тем страданиям, что ныне испытывает моя душа».

Горький ком подступил к горлу и Берлов вдруг понял, что слёзы катятся из глаз, впервые, за множество лет непрерывного, безсентиментального карьерного роста. Да, Басалаев выкупил его у Фемиды, при том, что его покровитель Бойченко совершенно наплевал на судьбу своего подчинённого. Но Евгений Петрович получил и свою выгоду – репутация банка сохранена, своих денег он почти не вложил, да и Берлов теперь находится на столь прочном и надёжном крючке, что вырваться со стального острия не представлялось возможным.

Судя по всему, разбившись на перекрёстке, Сергей Иванович Берлов, не желая этого, неожиданно переметнулся в другой лагерь банкиров.

Телефонный разговор, состоявшийся несколькими днями позже, ещё более упрочил позиции Басалаева:

– Привет, Сергей! Я уговорил Виктора Геннадиевича вернуть тебе телефон, – как всегда, бойко и бодро говорил знаменитый в Иркутске призёр длительных забегов, – и я очень надеюсь, что отныне, все наши прошлые обиды будут позабыты. Я помог тебе. Не бесплатно, конечно, но так уж вышло, что у тебя нет друзей, которые могли бы выполнить мои функции по твоей защите. Я понимаю, что тебе потребуется значительное время на восстановление. И я с коллегами, готов предоставить тебе хорошо оплачиваемый больничный на шесть месяцев. Твой лечащий врач сказал, что этого времени хватит, чтобы восстановиться физически и морально. Ты вообще меня слышишь?

– Да, – ответил Сергей, понимая, насколько сильно он вляпался в дерьмо.

– Вот и хорошо. Через месяц тебя выпишут и тебе нужно будет ещё с месяца два тихо посидеть дома, пока ситуация вокруг аварии не уляжется. Ты же знаешь психологию масс не хуже меня – пока дело резонансное, толпа волнуется и кричит. Но память толпы так коротка! Едва повод покричать исчезнет из новостных лент, как данная ситуация мгновенно забудется. У меня к тебе ещё будет несколько деловых предложений, от которых ты не сможешь отказаться. Ну а пока выздоравливай! Воспринимай ситуацию философски – новая жизнь всегда начинается с большого краха. Как знать, может быть, столь длительный отпуск изменит тебя! Ну, всё, бывай Шумахер!

– И на том спасибо, – сказал Сергей, хоть связь уже прервалась, и поспешил спрятать телефон под подушку.

То, что Виктор Геннадьевич и впредь разрешит больному пользоваться телефоном, не было никаких гарантий – всевластный хирург мог отнять игрушку в любой момент.

В режиме ограниченной функциональности организма невозможно хоть чем-то развлечь себя, кроме как постоянным копанием в телефоне. Вскоре, после разговора с Басалаевым, из палаты интенсивной терапии Берлова перевели в персональную палату, значительно снизив количество аппаратов вокруг и ослабив контроль над его поведением.

Левая рука восстановилась быстрее всего. Не потребовалось даже пересадок кожи – огонь не смог повредить ткани на значительную глубину, однако безобразный, губкообразный рубец уже начал формироваться на плече и бицепсе. Несмотря на запреты врачей, Сергей незаметно разрабатывал руку, которая ещё очень плохо гнулась из-за большого, поверхностного натяжения рубцов.

Состояние наготы, в котором Сергей пребывал уже на протяжении трёх недель больничного заточения, поначалу сильно раздражало его. Когда скорая помощь привезла его в больницу, во время первых операций и мероприятий по спасению, с Берлова сняли абсолютно всё, даже трусы, прикрыв его тело только тонким одеялом. Лишь на четвёртой неделе Сергей смирился со своим состоянием, не обращая внимания на медперсонал, заходящий в его палату в тот мо-

мент, когда ему меняли простыню или обрабатывали мазями. Свою вынужденную обнажённость пациент не воспринимал ни с точки зрения сексуальности, ни с точки зрения личного унижения. Он понимал, как безобразно сейчас выглядит его израненное тело, поэтому смирился с необходимостью появляться на глаза других людей, в чём мать родила, как с суровой данностью его текущего положения.

В данной клинике, имени Альберта Суфиянова, весь медперсонал был замечательно вышколен и приучен правильно реагировать на любой вид своих подопечных. Благодаря тому, что сюда поступали люди только высокого достатка, коридоры клиники были практически пусты.

Поэтому, когда медсестра, в кресле-каталке возила Сергея на процедуры, оберегая его тело от лишних движений, на него накидывали только лёгкую простыню с вырезом для головы. В самые неподходящие моменты простыня распаивалась и Берлов «светил» разными частями тела, всё больше привыкая к подобному положению вещей.

С Виктором Геннадьевичем удалось договориться – маму стали пускать раз в неделю, аргументируя такую редкость визитов, необходимостью Сергея пребывать в состоянии покоя. Вместе с мамой несколько раз приходил и отец, но он больше молчал, стараясь своим вниманием, а тем более жалостью не оскорблять своевольное дитя.

Больше посетителей не было.

Иногда становилось настолько скучно, что на излёте пер-

вого месяца пребывания в больнице, Берлов наступил на горло своим принципам и восстановил страничку в одной популярной, социальной сети. Из-за этого пришлось выполнить целый ряд операций, вплоть до самофотографирования, так как администраторы сети считали, что за время столь долгого отсутствия, старый хозяин никак не может вернуться вновь. Тем не менее, спустя несколько дней интенсивной переписки, он вернул свои права на аккаунт.

Диалоги в социальных сетях – это прямые мосты в собственное прошлое. Восемь лет назад у Сергея ещё были друзья, общие беседы и шутки, понятные только узкому кругу общения. Были и девушки, с которыми Берлов старался завязать отношения. Всё это вновь открылось перед его глазами, на белых страницах виртуального мира.

Грусть воспряла в душе. Только вместо острого желания уйти в монастырь, она вызвала не менее острое желание социализироваться. Выбрав из виртуального облака хранения данных, наиболее приемлемое фото за рабочим столом в собственном кабинете, Сергей обновил аватар, перетряхнув информацию о своей странице до основания. С каким-то остервенением, он скрупулёзно заполнял каждый предложенный пункт, словно стремился рассказать о своей жизни узкому кругу заброшенных страниц – друзья, либо давно завели новые, либо вовсе удалили его из своих контактов. Те единицы реальных пользователей, которые всё-таки сохранились в виртуальных друзьях, несмотря на долгие года от-

сутствия, никак не прореагировали на возрождение страницы Берлова.

Излив душу, Сергей успокоился и более трезво взглянул на восстановленный аккаунт: «Какие возможности скрыты в нём? Какие горизонты? Что может дать мне эта игра в социальность?» Первые, резонные вопросы, на которые он не находил ответов, зароились в голове высматривая перспективы.

Подобная, хаотичная активность головного мозга объяснялась длительным отсутствием банкира в знакомой среде – не с кем было конфликтовать, вести переговоры, некому рекламировать кредитные продукты. К тому же не было цели – тёплое место в управлении стало таким же недостижимым после навязанной помощи Басалаева, как луна на небосклоне для обычного человека.

«Как звали моего спасителя?» – вопрос, спасательным кругом, всплыл в голове человека, который сейчас медленно тонет в болоте личного отчаяния, – «кажется Василий. Что я ещё знаю о нём, кроме того, что он представитель чисто рабочей профессии? По виду он мой одноклассник. Допустим. Живёт в Иркутске. Допустим. Давай, Серёжа, думай головой!»

Запрос за запросом. Медленное, монотонное просматривание страниц. Три часа непрерывной работы и один из тысяч Иркутских Василиев был найден. Нужный Василий.

– Так значит твоя фамилия Капустин, – как старому, доброму другу улыбался Сергей, глядя в экран телефона, – и ты работаешь сантехником-наружником. Что ж. Это достойная профессия для героя. Окончил ПТУ. Работал автомехаником. Занятно.

Фотографии, выложенные Василием в общий доступ, раскрывали его как человека широчайшего круга интересов. Сергей ожидал полного разочарования от личности спасителя, но вместо этого находил всё больше поводов восхищаться им. Действительно, Капустин не оканчивал институтов, однако данное обстоятельство никак не сказывалось на масштабах его личности.

Чем только Василий не увлекался! Походы по местным сопкам в любую погоду, ночёвки у костра на берегу Байкала, гитара, велопробеги и марафоны. И ни одной фотографии с сигаретой или бутылкой пива в руках. Сергей понял – его спаситель, личность столь многосторонняя, что у него попросту не оставалось время на учёбу или медленное, поэтапное выстраивание карьеры. Василий Капустин был полной противоположностью расчётливому и холоднокровному Сергею Берлову, и именно поэтому его свободный образ жизни так притягивал в белоснежной темнице персональной палаты.

Вкладка «родственники», раскрыла наличие у Василия сестры. Да какой сестры! Высокая, стройная, рыжеволосая девчонка лет двадцати пяти, своими большими, зелёными

глазами заглянула прямо в душу с экрана телефона, очаровывая своим виртуальным образом. И имя под стать – Василиса. Старинное, русское, редкое имя, в котором сплелись воедино образы венков на воде, дымные столпы печей среди просторов заснеженной тайги и терпких, нежных рассветов над осенним полем.

С братом их единила только фамилия и цвет волос. Однако она была столь прекрасной на вид, что если бы не прямая ссылка на сестру в социальной сети, Белов бы ни в жизнь не поверил, что они родственники, даже если бы увидел их рядом.

– Неформалка, – улыбнулся Сергей, оценивая доступную, скупую информацию профиля.

Рок фестивали. Постоянные поездки с друзьями по городам России. Интересные, самые необычные знакомства по всему миру. Василиса то представала перед глазами Сергея в образе фанатки, одетой в кожу и с бондарной, то становилась спортсменкой на пробежке, то прилежной ученицей за партой института. Сестра Капустина оканчивала заочное отделение института по направлению психологии, параллельно работая официанткой в местном кафе.

Клик по экрану, перелистывание фото и Берлов присвистнул от удивления. Не каждая девушка или женщина способна выложить кадры с эротической фотосессии в сеть. Стройная, гибкая спина. Роскошные, налитые бёдра. Аккуратная грудь второго размера и подтянутый, рельефный живот. Всё

это великолепие было отражено на нескольких фотографиях Иркутского мэтра замершего мига, по фамилии Емельянов.

Василиса не стеснялась показывать себя перед объективом камеры. При этом она делала это столь естественно, принимая выгодные позы, что если в чёрно-белых фотографиях и присутствовала пошлость, то совсем немного, хотя на границе света и тени, на одном кадре Берлову даже удалось разглядеть ровную, тонкую полоску лобковых волос, уходящих в загадочную темноту.

– Улыбаетесь, Сергей? – Виктор Геннадьевич вошёл в палату бесшумно, с порога разглядывая необычное эмоциональное состояние своего мрачного и угрюмого пациента.

Стыдясь своих неожиданных эмоций, проявившихся в слегка приподнятой простыне, Берлов спрятал телефон и впросительном повороте взгляда посмотрел на своего лечащего врача:

– Уставом больницы запрещено?

– Вот теперь узнаю вашу натуру, Сергей Иванович, – грустно улыбнулся доктор, – мне пришли последние анализы и рентгеновские снимки. Кости голеней срастаются хорошо – в вашем организме скрыт большой потенциал выздоровления. Вскоре, мы отправим вас долечиваться дома. Надеюсь, я порадовал вас этой маленькой новостью.

– Когда будет это «вскоре»?

– И вновь в вас говорит сугубо деловой подход к делу! Сергей Иванович, позвольте мне дать совет, как человеку от человека, который прожил на Земле больше вашего ровно в

два раза. Не во всём ищите деловой подход. Это пока что вам незнакомо одиночество. А вот в старости... в старости оно навалится на вас свинцовым одеялом, заставляя думать ночи напролёт, о том, как можно было бы прожить жизнь по-другому. Я тоже был карьеристом и грезил высокими чинами в министерстве, но... но я стал тем, кем я есть. Финансово я очень обеспечен. Больница частная и моя должность приносит мне величайший доход, в сравнении с моими коллегами из социальных больниц. Тем не менее, мне не с кем делиться своими сбережениями. Благо, что у меня есть сестра и моё наследство, достанется племянникам. А вы, как я понимаю, один в семье?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.